

Т.И.МАТВЕЕВА

**СЕМАНТИКА СЛЕЗЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПОХОРОННОМ РИТУАЛЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ)**

В похоронной обрядности одной из этнических групп русских Забайкалья – семейских сохранился обычай ритуального оплакивания покойника; исполнения над ним причитаний (голошений), выдержанных в определенной мифопоэтической традиции. В старообрядческих селах Забайкалья еще в начале XX в. оплакивание умершего считалось обязательным актом, с “вычитыванием всех добрых качеств его. Если кто не соблюдал этого, то говорили, что рады и не жалеют о смерти его; надобно было, если нет слез, закрыть глаза платком, положить голову на стол, где лежит покойник, и приговаривать” (1). Голосить должна была уметь каждая женщина, а неумение голосить по покойнику строго осуждалось односельчанами. В дом умершего, где не умели голосить, приглашали женщину, которая считалась хорошей плакальщицей. Активно бытовали и являлись обязательными не только обрядовые, но и внеобрядовые голошения. Посещения в Забайкалье кладбища после Пасхи в родительскую субботу и голошения на могилах близких были описаны Н.Кашиным: “На каждой могиле на кладбище можно увидеть по одной или по две женщины. Эти женщины бросаются на могилу своего родственника и с плачем причитывают добродетели покойного и проч.” (2). Картина, представленная в середине XIX в. Н.Кашиным, практически осталась неизменной в старообрядческих селах Забайкалья и в конце XX в. Голошения во время похоронного ритуала, а также надмогильные голошения на Пасхе (семейские в первый день Пасхи посещают кладбище) до сих пор фиксируются исследователями Забайкальского региона.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №98-04-06025.

Ритуальное оплакивание покойника, языческое по своей сути, находится в противоречии со свято соблюдаемыми в конце XX в. православными погребальными канонами, а также с имеющим древнеславянские корни запретом оплакивать мертвых. Еще в праславянские времена у индоевропейских племен существовало табу на оплакивание умерших. По объяснению А.Котляревского, “слезы родных не дают им покоя в могиле, они тревожат их призывами земле и земной жизни, призывами, которым не может ответить покойник, замерзший и засыпанный тяжелой перстью, слезы родных жгут их, они орошают одежду мертвецов и делают ее невыносимой” (3). Есть и иное объяснение запрета слез: “Возможно, запрет плакать во время похорон, связан с древнейшим представлением людей об избавлении присутствующих на похоронах людей от “смерти” ритуальным ее игнорированием” (4).

Хотя и в рудиментарной форме, но и в конце XX в. достаточно ясно проявляются воззрения славян на смерть и связанный с нею похоронный ритуал.

У старообрядцев Забайкалья мы обнаруживаем, с одной стороны — голошение и ритуальное оплакивание покойника, которое является обязательным актом похоронного обряда, с другой — запрет плакать и веру в губительную силу слез. В с.Куготы Мухор-шибирского района информаторы рассказывали нам о том, что слеза не должна упасть ни на покойника, ни на гроб, ни на могилу умершего родственника. По поверию, сколько слез упадет на могилу или на гроб покойника, столько ведер воды ему придется носить на себе. Запрещалось чрезмерно страдать и плакать по умершему, так как иначе он будет лежать в воде или сырости в своем “посмертном жилище”. И тогда во снах покойник будет приходить и жаловаться на свою невыносимую жизнь в загробном мире.

Из суеверных рассказов “о встречах” с умершими можно заключить, что область смерти мыслится как расположенная здесь же, в мире живых. Она постоянно находится в соприкосновении с областью жизни и фрагментарно может открываться при чрезвычайных обстоятельствах. В данном случае — во время страданий умершего от оплакивающих его близких и родных. Соприкосновение мира живых и мира мертвых во время таких контактов осложняет сосуществование двух миров и тем самым вредит как живым, так и мертвым. Похоронный ритуал совместил в себе

две тенденции: с одной стороны оградить живых от общения с мертвыми, с другой — почтение и почитание мертвых, стремление поддержать связь с ними. Благодаря такой модели, ритуальное поведение человека приобрело характер саморегулируемой системы.

Сохранившееся до конца XX в. в похоронной обрядности старообрядцев Забайкалья семейских соединение бинарных по своей сути верований, связанных с почитанием мертвых и зависимостью загробной жизни от поведения живых, дает нам основание для параллельной семантической интерпретации форм ритуального и бытового поведения.

Законы ритуала “примирили” верования с обычаем. Ритуальное оплакивание покойника в языческие времена, чтобы усопший не страдал от слез близких, исполнялось специально нанятой плакальщицей. Профессиональные исполнительницы причитаний относились к особой группе так называемых посредников между мирами. Их маргинальная природа сглаживала конфликт ситуаций, а “купленные” слезы уже не могли нарушить могильного покоя умершего (5). В дальнейшем первоначальный смысл приглашения плакальщиц был утрачен, но вера в губительную силу слез и противоречащий ей обычай ритуального оплакивания до сих пор сохраняются и продолжают сосуществовать в одном обряде.

В старообрядческой общине сформировались определенные правила, контролирующие в похоронной обрядности ритуальное оплакивание покойника. Во-первых, запрещается голосить и причитывать во время прихода уставщика и отпевания покойника. Во-вторых, исполнительница голошений не должна сильно и долго голосить, чтобы не потревожить душу умершего, отлетающую в другой мир. Причитывать, голосить и даже плакать она обязана в строго отведенное время: у гроба умершего, при выносе гроба из дома, во дворе, при остановках похоронной процессии (по дороге на кладбище) возле домов родственников и друзей умершего, при входе на кладбище, при опускании гроба в могилу. После этого голошения прекращаются. Необходимо отметить, что у старообрядцев Забайкалья до сорока дней нельзя голосить и посещать кладбище. Это связано с поверием, что душа до сорока дней определяется, а слезы и голошения отвлекают ее своими призывами вернуться обратно: “Откройся, мать-земля, /Ой, откройся ж, ты, грובה доска, /Посмотри на меня, родима мамонька,/

Ой, встань, пробудися!” (6). Безутешное оплакивание также представляет опасность возвращения мертвых в мир живых.

Подобную семантику имеет запрет на оплакивание умерших детей. Особенно опасными считаются дети, умершие до крещения. Новорожденные дети изначально считались представителями иного мира. Они только переступили невидимую границу между мирами, еще не закрепились в мире живых и в любой момент могут вернуться в мир предков. “Особый статус новорожденного проявляется, например, в том, что в течение определенного срока (чаще всего до крещения) он считается как бы несуществующим” (7). Умерший ребенок беспрепятственно должен покинуть мир живых, его “уход” не должен сопровождаться ритуальным оплакиванием. У семейских существует поверие о том, что оплакиваемые дети возвращаются, чтобы “унести” с собой жизнь новорожденных братьев и сестер или навлечь на них болезни.

Не оплакивали, не отпевали и не хоронили на общем кладбище “заложных покойников” (самоубийц, утопленников и людей, умерших не своей смертью). Опасность “заложных покойников” исходит, по определению Д.К.Зеленина, от “неизрасходованной жизненной энергии” (8), которая способствует беспрепятственному проникновению их в область живых. В старообрядческих селах Забайкалья “заложных покойников” опасались и по возможности старались не участвовать в их похоронах. Голосить по “заложным покойникам” считалось у семейских большим грехом.

Первоначальную картину происхождения похоронных причитаний восстановить практически невозможно. Возьмем на себя смелость только предположить исконное значение и применение причитаний, голошений. Вполне допустима мысль о том, что традиция ритуального оплакивания пережила ряд семантических трансформаций, в результате чего произошла символическая замена слез словами, которые уже не могли повредить умершему обрести вечный покой.

Основа голошений — это “плач голосом”, речью. Голосить — значит “излить душу”, выплеснуть свои эмоции. Так как вода в традиционной народной культуре являла собой горе, слезы, печаль (А.А.Потебня), то такой расклад, возможно, был отнесен и к голошениям как к вербальному потоку, символизирующему слезы.

Результаты полевых исследований в конце XX в. показали,

что архаические пласты в похоронном ритуале старообрядцев Забайкалья содержат в себе следы (информационные коды) начальных этапов становления похоронной обрядности в целом и ее семантической модели в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азадовский М.К. Ленские причитания. Чита, 1922. С.4.
2. Цит. по: Азадовский М.К. Указ. соч. С.215.
3. Котляревский А. Погребальные обычаи славян. М., 1868. С.214.
4. Кузнецов С.К. Мордва. М., 1912. С.20
5. Котляревский А. Указ. соч. С.215.
6. Информатор Д.А.Максимов, 1950 г.р., Петровск-Забайкальский, 1981 г.
7. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С.41.